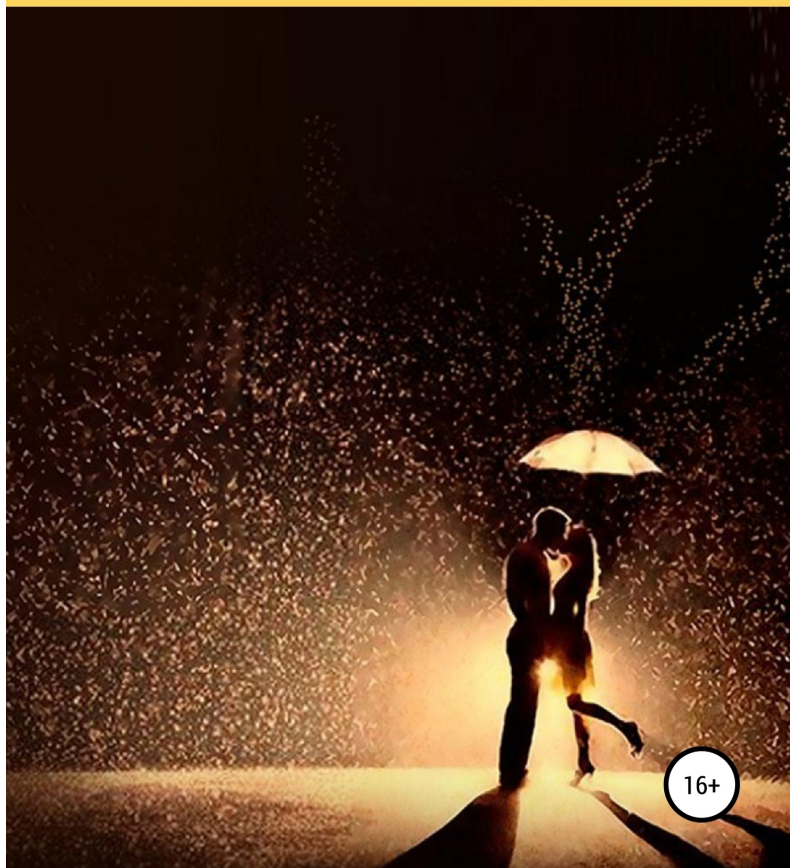

Алексей Суслов

Птицы

16+

Алексей Суслов

ПТИЦЫ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63381623

SelfPub; 2020

Аннотация

А что такое ЖИЗНЬ? (Чем дальше в лес своего возраста, тем громче птицы). Кофе, бритьё, лайки, такси, студия, музыка, деревянная голова, ватные уши, чай, такси, вайбер, сон.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	7
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	23
Глава 6	28
Глава 7	35
Глава 8	41
Глава 9	49
Глава 10	56

Алексей Суслов

Птицы

Глава 1

Лекс не любил концерты, переходящие из одной даты в другую. Это как из прозрачной и законсервированной бесчувственным холодом Арктики попасть в тропическое ма-рево бог весть где находящейся Ганы. И противоположно-сти эти были отнюдь не из-за обычной временной переме-ны чисел, а из-за того, что странный внутренний мир рэпе-ра выходил из минорной чёрной дыры и вливался в мажор-ное солнечное свечение. Он не мог делать такие переходы без болезненной резкости. Представьте сверкающее новиз-ной утро, рождающее спустя мгновение величественную, но такую старую ночь. Ну и как вам такие метаморфозы моло-дого мужского организма?

Вообще, музыка – самая изматывающая стихия в этом ми-ре. Вот вы три дня, неделю, месяц записываете одну компо-зицию, высасываете её буквально из пальца, ломаете свой ритм, свою лирику, ведёте себя как лев и гиена, дышите ожи-даниями собственного чуда, предвосхищаете оглушитель-ные возгласы вечно спящей за вами и вашими телохрани-

телями заведённой публики...и спустя 64 дня вы оказываетесь в полном фиаско: вас нет даже в топе-100! Вот тебе и музыка(!)

Нет, музыка заслуживает куда более вдумчивого взгляда, но когда ты в ней круглые сутки, включая около музыкальные затмения сна, невольно задаёшься приватным вопросом самому себе: а ты вообще ЖИВЁШЬ?

А что такое ЖИЗНЬ? (Чем дальше в лес своего возраста, тем громче птицы). Кофе, бритьё, лайки, такси, студия, музыка, деревянная голова, ватные уши, чай, такси, вайбер, сон.

От концерта к концерту Лекс набирал и сбрасывал с себя всё лишнее: вес, эмоции, воспоминания. Он, в принципе, не любил все эти перелёты-переезды, чужие грязные города, чужие грязные такси, чужие грязные клубы, но было одно, ради чего он когда-то бросил литинститут: поклонницы. Их всегда было много, с излишком, но рэпер почти фотографически помнил каждое девичье лицо, как будто каждому поклонялся как доброму божеству. Женщин он боготворил, в каждой находил изюминку, черпал из общения с ними своё словесное и звуковое творчество (как влагу, как воздух, как луну).

Ночами, особенно когда шёл дождь или снег, он забывал о рэпе, сердце Лекса успокаивалось, одевалось в кокон умиротворения, из большой спортивной сумки цвета хаки доставался миниатюрный mp3-плеер, создавался уникальный для этого дня плейлист классической музыки, и он впадал в полный глубочайший транс, по венам ходило счастье, в голове пробуждалась весна, нет ни века, ни года, ни месяца, а только скрипка, рояль, гитара. И ради этих летаргических мгновений настоящего отдыха он работал как загнанная лошадь. Потому что иначе не мог. Потому что только так он был настоящим, без фальши, и на идеальном расстоянии с пустотой мира вокруг. Эти стену между собой и ИМИ он задумал ещё в босоногом детстве, словно уже тогда понимал, что был чужим среди своих. Рэпер, любящий визжание скрипки и звук рвущихся струн? Дурость? нет – не растрачиваемое счастье!

Глава 2

Этому городу никогда не спится. Барахтается пустыми картонными коробками, звенит бутылками из-под пива, с отпечатками чьих-то багровых губ, шепчет тонкими голосками нежных жёлтых листьев, куда-то спешит, воеет, визжит, задыхается, бесится, – и это всё один и тот же город, вечно юный, никогда не смолкающий, а всё повторяющий одни и те же звуки урбанистической музыки.

Лекс проснулся в промежутке между ночью и утром, отодвинул тяжёлые, неприятные на ощупь, шторы, выпил стакан подслащённой воды, принял душ, побрил подмышки, оделся в новое бельё, съел горстку грецких орехов, слегка горьковатых, выпил полстакана козьего молока, и время побежало с удесятерённой силой.

У подъезда его ждала помощница продюсера Оля. По-видимому, на всю неделю она сдала свои лучшие вещи в химчистку, так что рэпер после брато-сестринских приветствий соорудил рожу проходящему мимо почтальону. Тот выставил дулю, перекинул сумку и так понёсся по тротуару, что едва не сбил рекламный постамент – оранжевый бублик с изображением дымка над кофейной чашкой. Лекс усмехнул-

ся, кинул свою повседневную сумку на задние сидения и они укатили, обдав пробегающую рядом тощую таксу содержимым не высыхающей лужи.

Оля была не из болтливых. Она всегда включала песни самого Лекса (для работы), а он, как испуганный ребёнок, начинал искать по карманам ненавистные белоснежные наушники, бурчал, тёр узкий подбородок средним пальцем правой руки, и всегда, когда наушники находились в бездонных недрах его куртки, Оля протягивала Лексу её собственный mp3-плеер, и парень входил во внутренний диалог с тем человеком, которому он был обязан своим громким успехом: Арслану Маратовичу Керании, человеку с абсолютным денежным слухом, со сверхпрочной интуицией и чутьём на большие, да (!) просто огромные доходы. Керания мог из одной спички построить дом, избегая острых углов во взаимоотношениях с миром русского (и не столько) шоу-бизнеса.

Арслан Маратович Младший во всех обстоятельствах оставался неутомимым и всегда голодным ястребом. Поговаривали, лет 6 назад он прибрал к своим рукам весь киевский бомонд, на всех одел не снимаемые ошейники нерасторжимых контрактов, после трёх вскормленных из его мощной руки пряников, провинившийся, принесший ему болезненный убыток, получал раз 40 куда более болезненного кнута. И разговаривал он со всеми, не давая поблажек на пол и

возраст, на одном ему доступном языке, который на TV пока ещё принято глушить добропорядочными звуками, чтобы провинция не подумала, что там, в этой чёртовой столице, все москвичи изощряются во всех тонкостях городского небоскрёбного русско-мирового мата.

Сегодня бешеный продюсер как с одного органа сорвался: даже тонкая, калифорнийская вещица звукохранения теряла сознание, грустная Оля впивалась длинными голубыми ногтями в кожаный обруч руля, кусала пухлые губы и думала, что ещё полгода и она попадёт с такой "работой" в дом для умалишённых. Этот чёртовый абхазец с каждым новыми сутками становился всё более паскуднее и паскуднее. Как будто на него мужской климакс напал. Вон, Катька Белая уже яхту поставила в Ялте, и домик оформляет на отца вблизи Сочи, а она как цыганка – в долгах как в шелках, и скоро одежду будет рыскать в мешках секунд-хендов, за квартиру будет расплачиваться натурой, машину продаст за две копейки и будет искать способ кровной мести в отношении этого... козла, да будь он проклят! Лучше пирожки проходим на Арбате продавать в газетных свёртках, чем смотреть в эти чёрные глаза и слышать этот чёрный голос, лишённый всего человеческого.

Оля крутанула руль и удачно объехала пожилого велоси-

педиста. Глаза устали, словно она ездила по городу без перерыва трое суток. Девушка за три с половиной недели потеряла почти 5 кг. из 68. Ни ребёнка, ни мужа при такой соблазнительной внешности. Её ребёнок, её муж – господин Керания Младший. Слава богу, памперсы не заставляет менять, и не насилует в пьяном угаре.

Девушка прибавила газу, взглянула на часы. 7.48.

Если не успеют в Блу-Грей-холл, он оторвётся на ней по полной программе. И на этом рэпере, который... уснул! Мужики могут уснуть в любом положении тела. Как бегемоты и слоны. И мысли их не выжигают изнутри, а тут хоть ори на всю Москву. Но Москва слезам не верит, увы, и тем более их не слышит.

Глава 3

А.М.Младший спустился со второго этажа по героической лестнице в одних красных трусах. Его лысый египетский череп прямо сверкал, ну (прямо) Фаберже. Из домика из красного кирпича вышли два мордатых жердя, один встал у дорожки, на которой продюсер начал своё движения по земле, а второй подошёл к машине, где замешкались Оля и Лекс. Жердь постучал костяшками пальцев об окно, мол, какого (...)? Дверцы открылись, двое вылезли как раз тогда, когда абхазец залез в свой мини-фонтан и принялся принимать самые тонизирующие водные процедуры. Он практически существовал в водной стихии, пока не спал: вода во внутрь и вода во вне. Особую страсть г-н Керания питал к плодам бахчевых, причём круглогодично.

– Ну, чё вы там встали, бегом сюда! – Абхазец помахал своим подопечным (подопытным) зелёным махровым полотенцем, поглаживая густо волосатую грудь, чем напоминающим ёршик. – Жрать охота, а без ваших кислых рож, ну прямо никакого аппетита! – Охранник помог грузному босу покинуть осенний оазис.

Лекс плёлся за Олей, лениво поглядывая по садам Арслана Маратовича. Там – мраморная статуя перуанской принцессы очень нежного возраста, с венком синих роз и гирляндой пронзительно кумачовых роз; чуть далее, у двух сосен – миниатюрный домик, из которого выглядывали задорные головки двоих лилипутов обоего пола; через 33 шага – здесь рэпера поторопили со входом во дворец личного рая всемогущего и все сильного г-на Керании. Лекс оглянулся назад – парочка лилипутов приступила к купанию огромного кота, чей панический вопль огласил всё поместье и проник во все уши, кроме хозяина этого "заповедника".

В пустынном (пара кадок с дикорастущими растениями, да две груши для тренировки бицепсов) холле гостей встречали две жены продюсера. Обе – полные противоположности друг дружке: у старшей вились по плечам натуральные чёрные волосы (очень-очень чёрные), светлые глаза пронзали насквозь в подобие рентгена, красное с белым поясом свободное платье дополняли худенькие руки, упёртые в бок. Руки были настолько бледны, что можно было предполагать лёгочные заболевания в этом усталом и замученном теле; вторая, младшая пассия особо ничем не выделялась, может быть – лишь отсутствием гармонии между телом и тёмными как египетская ночь раскосыми глазёнками – двумя бусинками чёрного жемчуга. Обе живые мумии взяли за руки Олю

и Лекса, и вся группка направилась на второй стеклянный этаж, а сзади, болтая по радиотелефону, плёлся одурманенный крепким никотином продюсер, в не по-размеру свободных фиолетовых тапочках.

В этом комнатном аквариуме пахло утренним морем. Из динамиков под потолком слышался шум волн, встревоженные чайки резали слух, детские озорные голоса как два свистка сменяли чаек, потом происходило возвращение к водной стихии, и так круглые сутки, кроме летних гроз, когда дом погружался в тишину вампирического склепа. Лекс присел в глухом уголке на кожаный диван в форме авангардных крыл чёрного ангела, рядом с книжным стеллажом, где среди тонких книжек притаились CD, куда объёмнее, куда заметнее. В противоположном уголке расположились Оля и две женщины Арслана Маратовича. Сам хозяин первым делом с слегка суетными движениями наполнил свой "кубок" душистым винцом, употребил, поморщился как старый алкоголик, почесал кадык и уставился диковатым взглядом в мозаику средневековой баталии на море, нависшую над удлинённой головой Лекса. Молодой человек гладил толстую рыжую кошку, кормящую пятерых крошечных котят, мешающих друг другу, в то время как молодая мать вылизывала самого крайнего из ещё почти лысых малышей.

– Так-так, почему такая неблагородная тишина в нашем благородном собрании? – съехидничал слегка захмелевший продюсер, обходя как лечащий врач надоевших пациентов своими полубезумными глазами-свёрами. Никто не смотрел на него, словно он был лишь один голос, прозрачный человек-призрак.

– Мы устали, – Оля пыталась унять дрожь в ногах, но с таким же успехом можно человеческими усилиями остановить океанское цунами. Человек бессилен против того что сильнее его. Керания положил у всех четверых по два листочка писчей бумаги сероватого оттенка. Обе его любовницы переглянулись, вторая пожалала плечами на бессловесный вопросительный взор своей старшей подруги.

– Выкидывайте из себя всю ненависть ко мне. Последствий в виде кары не будет, не в моих интересах подрывать на корню свой бизнес, потому что бизнес сделал меня выше всех вас, круче всех вас. А вы кто такие? Вот вам карандаши, пишите, бунтовщики, пишите что вас не устраивает в МОЁМ РАЮ. А я как Бог буду делать выводы.

Глава 4

Очень трудно говорить правду тем, кто о ней и не слышал никогда. Если человек никогда не видел Солнце (например, он находился в подвале, будучи жертвой какого-то маньяка-садиста), ему ни за что не понять, насколько оно величественное и насколько оно отличается от тьмы. Когда "дорогие гости" удалились кто куда, Арслан Маратович, совсем не являясь вторым Гоголем, бросил "откровения" своих подчинённых в пахнувший елью камин. А ведь он даже не знал, что те бумаги так и остались девственно чисты, все мысли остались там, куда ушли эти люди, которых Арслан Маратович и за людей не считал: кто не заработал страх и преклонение среди толпы, тот зря получил хитрость и лукавность от дьявола. Зачем ты нужен ЭТОМУ МИРУ, если ты не от него?

Утром во двор Арслана Маратовича кто-то кидал пустые бутылки. Собаки так переполошились в своих вольерах, что одному из охранников стало по-бабьи плохо: он даже обмочил свои штаны, купленные где-то в Европе, на Хэллоуин. Пока два остальных "жандарма" приводили его в чувства, вливая медицинский спирт в ноздри, полуголый продюсер выполнил сразу два дела одновременно: и вынес мозг неизвестному абоненту в телефоне и выпустил озверевших псов

на дикую охоту. Три огромных псины бросились во все стороны 89 га усадьбы того, кто кормил их исключительно парным мясом полуголодных медвежат, лишённых своих матерей и скитавшихся по тайге, не зная, зачем они появились в этом мире – ненужные, слабые, боящиеся любого шороха как любой незащищённый ребёнок...

...Вечером в городе средне-сильным ураганом были сорваны все рекламные натяжки, особенно досталось "Вас, заблудшие земляне, приглашает на полное духовное просветление Высший Центр Всех Существующих Духовных Мудрецов". Слегка согнувшись от порывистого дождя, Оля и Лекс весьма увлечённо посмеялись над "горем" инопланетных чудо-юдо целителей. Оля открыла дверь своего подъезда, и когда Лекс заходил внутрь домового чрева, его едва нешибануло толстенным железом. Оля даже зажмурила глаза, но всё обошлось: как всегда, у рэпера была отменная реакция, данная природой и развитая в горах Дагестана очень-очень немного лет назад, когда в стране была все сезонная зима и, никто не улыбался, ведь тогда было совсем не до смеха.

Они как два подростка пружинистыми шагами поднялись на 5 этаж. Кто-то мыл полы, да бросил; Лекс отбросил

россыпь окурков носком кроссовок, девушка принялась открывать дверь своей квартиры, её рука слегка дрожала как утренний цветок, один, среди огромного поля. Лекс просто стоял и смотрел. Оля стукнула пятернёй в дверь, и замок щёлкнул. Дверь открылась. Лекс стоял и смотрел таким взглядом, будто он гулял по Марсу и наткнулся на парочку блестящих, нетронутых ржавчиной человеческого времени, человеческих монет.

– Мне тебя на руках вносить? – произнесла с заметной дрожью девушка. Лекс вынул наушник из уха, и вошёл в неизвестность. Заходя, Оля столкнулась с ним спиной. Загорелся свет.

– Тапочки не предлагаю, потому что их нет, – с лёгким деревенским смешком сказала Оля. – Но мы как-то выйдем из такого трудного положения, правда? – Оля нагнулась и стала копать в широченном шкафчике мраморного оттенка. Лекс заглянул за угол прихожей: на кухне, на обеденном столике сидел огромный серый кот, и взгляд этого упитанного питомца был очень-очень строг.

– Твой?

– Кто? Ах, кот... ну да, чей же, я одна здесь живу.

– Не скучно?

– Иногда ко мне в окно вечером залетает Карлсон и мы пьём до утра чай с клубничным вареньем, – рассмеялась Оля, держа в руках что-то похожее на балетки – Смотри, ноготь из-за тебя сломала, на какие только жертвы не идёшь ради таких... робких... музыкантов... Одевай!

Лекс сморщился.

– Я это не одену. И не спрашивай, почему.

– Ну да, ты же у нас принципиальный. Ладно, стерпим и это. Иди в кроссовках, Ромео! – Оля закинула балетки куда-то в угол прихожей, окрашенной золотистым светом. Лекс прошёл в полутёмную кухню, погладил кота. И сам включил свет.

– Ух, ты! А ты и свет где включать здесь знаешь. Не ты ли летающий гость?

– Просто угадал.

– Что угадал?

– У тебя зелёный чай есть?

"У меня всё есть", – хотела произнести Оля, но промолчала. Она конечно знала, что он с причудами, но до сегодняшнего дня не обращала на этого никакого внимания. Одна говорила, что он боится входить в лифт, другой – грозы, третья – выступать на сцене до полуночи... Красивый мальчик, на которого все смотрят с какой-то непонятной грустью.

Она налила в две красные в крапинку чашки дымящего кипятка из потера, открыла

холодильник и достала из внутренней полочки пачку зелёного чая в пакетиках.

– Ты всегда хранишь чай... в холодильнике? – Лекс рассмеялся красивым смехом.

– Ты, наверное подумал, что я полная дура? – Оля разложила по чашкам чайные пакетики. – Просто кот лазит тут кругом, вечно что-то ищет. Одним словом, котяра.

Они как будто промолчали время от сотворения Вселенной, до её окончания существования; в этот данный миг они не думали друг о друге, но когда рэпер поперхнулся от попавшей в горло чайинки, Оля как удалённая подскочила и

принялась наливать из 1,5 литровой бутылки минералку без газа, щедро разливая тёплую пенящуюся жидкость по всему столу, и капли кухонного дождя ниспадали на голову развалившегося на вязанном коврикe кота, лишённого всякого внимания 29 минут назад.

Лекс словно запивал минералкой таблетки: какая-то ещё более заметная болезненная скованность замедлила все его движения, кроме глаз. Он увлечённо смотрел на карандашный рисунок, на котором жилистый единорог вёз очень юную девушку через деревянный мост, а над ними ниспадали плакучие речные ивы.

– Это ты нарисовала? – с усталостью в голосе поинтересовался молодой человек.

– Куда там я; сестра любимая постаралась для своего парня, а он мне его подарил.

– Почему не отказалась?

– А потому что в любви нет правил.

Раскрасневшаяся от воспоминаний, Оля отошла от работающего холодильника, зашла рэперу за спину и мягкими ритмичными движениями очень тёплых рук начала масси-

ровать напряжённые шею и плечи закрывшего тяжёлые глаза Лекса.

На карниз окна сел тощий чумазый воробушек, заплясал по старому железу, и движения Оли стали ещё более ритмичными. Она почувствовала прилив крови в груди и в бёдрах, голову заволокло полузабытым туманом желаний. Желания быть кому-то нужной и желания насладиться этими минутами – если и не на всю жизнь, то хотя бы до ближайшей бессонной ночи.

Потом Лекс и сам не понял, как оказался на коленях посреди всей кухни, а напротив, в его полусонные глаза на том же уровне смотрели с лёгкой безуминкой красивые страстные Олины глаза-глубины. Девушка провела лёгким, как пёрышко прикосновением подушечки указательного пальца левой руки. Она едва не прикусила свой розовый язычок в почти полном увлечённом забытьё. А потом они целовались, лёжа на боку, а кот бесстрастно смотрел на это любовное действие, а потом покинул кухню с гордой походкой единственного хозяина этого уютного места, который не потерял самоконтроль вопреки всем животным влечениям...

– Приходи, когда тебе будет грустно. Я приготовлю для тебя самую вкусную лазанью.

Оля глубоко вздохнула. Через 15 минут Лекс уже спал в

такси, убаюканный безумно тёмной преддождевой ночью. И даже мерцающие радужные огни ему как всегда абсолютно не мешали.

Глава 5

Осень как зрелая женщина продолжала дарить этому загадочному городу сказку.

Лекс проснулся с ужасной тревожной болью в затылке. На часах стрелки часов застыли на полчетвёртого ночи. Минутная стрелка дергалась как парализованная. За окном летали листья, один, очень маленький, прилип к правому боку окна. А когда парень, уже надел синие шорты и белую широкую футболку с изящным витиеватым слоганом "BOSS", хрупкий листочек полетел вниз, а за ним – десятки других, таких же, как он – отголосков ушедшего дождливого и холодного лета.

На столике в кухне Лекс увидел начатую пачку сигарет, на минуту ушёл в вчерашний день. Вчера было нечто очень значительное, жизнеутверждающее. Он был на окраине города, и сейчас перед глазами были розовые кухонные занавески, кошачьи сердитые глаза и... ну вот, появились провалы в памяти, ему, аж смешно стало, какой он теперь музыкант, если он забыл, у кого он был и зачем?

Синий маникюр... Зелёный чай... Такси... Якут, нанаец, тунгус?... Голос усмехающийся словно птица в безумном

сне... Какой-то гортанный тяжёлый для слуха язык... "русские пришли и ушли"... "я сам себе хозяин, и это моя земля"... "тебе до какой двери?" ... "на возьми таблетку от головы"... "тусил небось вперемешку с травой?"... "вид у тебя не самый лучший"... "да, ладно... приехали уже"... "давай без спасибо, я тебе не кум"... Дальше лента памяти была оторвана от общего круга.

Пальцы сами потянулись за сигаретой, хотя он не курил лет десять. Считал, что он выше любой привычки. Даже в не самые лучшие дни рэпер мог чем-то другим заменить тяжёлый табачный дым. Иногда, это были благовонные палочки из Индии. Воздух становился глубоким и значительным пространством, где ты парил птицей с умудрёнными глазами, и на тебя сходило древнее прозрение тебя как человека посреди вечного Космоса. А были дни и церковного ладана над сводами Вечных Ликов на проспекте Красоты. Разве сигареты могут всё это заменить и дать тебе тот же покой? Нет, не могут, как не может алкоголь и марихуана из рук прокажённой цыганки...

Сигарету Лекс переломил пополам. Пальцы сами сделали это вопреки каким-то потаённым желаниям. И захотелось есть, аж заныло под ложечкой. Спасибо Перси Спенсеру за изобретение микроволновки и бабе Нюре – за пирожки с капустой, которые пролежали в холодильнике дня два, но по-

казались самыми вкусными со времён гор Дагестана. И вода, льющая из душа на вспотевшее тело была самой приятной и освежающей с тех же самых пор. Серо-белый орнамент ванной комнаты напомнил вчерашнее небо над городом.

Надев халат, парень вышел босым из ванной, достал из шкафчика прихожей новые бежевые вьетнамки-сланцы, чтобы продолжить приведение своего тела в порядок после вчерашних смутных приключений. Включился 84 дюймовый Samsung Q7FN 2018, и в комнату, окружённую со всех сторон полками с книгами и декоративными растениями, ворвался совсем не осенний русский звукомир, а что-то диковинное, непривычное, но успокаивающее теперь уже окончательно многострадальный затылок. Индейцы на склонах западной Кордильеры в Перу дарили русскому московскому рэперу то, о чём он доныне не знал. И это было схоже на чудо. Как обмен между разными измерениями, между Солнцем и Луной, между мужчиной и женщиной. И Лекс вспомнил.

Вспомнил её обжигающую плоть, в которую он безрассудно погрузился; вспомнил сверкающие колдовством страсти узкие как у кошки зрачки; вспомнил пальцы-крылья, бьющие по его спине более бамбуковых палок маоистов; вспомнил ноги, желавшие растянуться до шпагата; он увидел всё, что только мог увидеть человек о другом человеке, но кто ОНА [?] он... он... он...

Лекс потерял сознание и лежащее у двери беспомощное тело странного соседа обнаружила тётя Клара, у которой было негласное "шефство" над этим кафкианским существом, совершенно не приспособленном к этому миру, чьи жернова имеют постоянное свойство перемалывать человеческий дух незримыми камнями.

И в этот день Оля приняла три безумных звонка:

- морг
- реанимация
- роддом

И это были самые неожиданные известия в её совсем не безмятежной жизни:

- умер кормилиц
- был едва ли не при смерти возлюбленный
- родился раньше срока её будущий крестник

Всё это произошло на территории в 347 кв/м, словно Со-

здатель туда переместил Олину новую жизнь, её новую главу в удивительной книге жизни среди Добра и Зла.

Глава 6

Прошло три года

"Ассоциация зарубежной прессы Голливуда" в канадском Торонто организовала очень дорогостоящий, фееричный, с тонким и креативным подходом фестиваль рэп-культуры, на который слетелись орлы и орлицы со всего мирового пространства. Лекс насчитал добрую сотню звёзд второй величины, и был даже Lil Berete, чей релиз "1 Way Out" буквально сокрушил искушённых критиков своей лирикой тропического проливного дождя с запахом гавайских сигар. Оля клялась и божилась, что был КТО-ТО, интуитивно напоминавший Джастина Бибера, но Лексу это показалось уже чрезмерно чудесным, раз ЗДЕСЬ был он, мало кому известный русский музыкант.

Закрутилась пластинка, не по-детски засверкал норвежской улыбкой забавный чёрный смайлик на гигантском экране высокой, в 5,5 метров, цилиндрической сцены. Молодые тела демонстрировали яркие реалии современной музыки, рассчитанной на свободных подростков, не нюхавших кокаин и ничего крепче тоника не употреблявших хотя бы раз в своей крейзи жизни, устроенной как нескончаемое скетч-шоу. Фыр-фыр-фыр.

«Крейзанутый Карл, ты готов на Бали?

Сопли ты жевал, а теперь утри.

Парашют помой,

Ты святой водой,

Сумасшедший Карл,

Бога ты прости,

Бога ты прости,

Ты два дня не «ти»...»

С концовкой Лекс легко разобрался: «ти» это уменьшительное от «тинейджер», а вот Карл – не он ли это в глазах местной тусовки? А он вообще что-то кому-то должен? Вон тот глупый как африканский паровоз япошка с кокетливо жёлто-красными дредами – он тоже чей-то «зайка», только Лексу до него какое дело и какой вопрос? «Живёт себе парень, живёт и Гудзон/Нет девки у парня, но есть хоть музон». Улыбнись ещё раз, незабвенный норвежский чёрный смайлик, у тебя очень круто это получается, ху-ху.

«Я дружила с Селеной Гомес,

Джастин Бибер рисовал мой портрет,

«Виноваты звёзды» – говорила мама

Мне даже через две тысячи лет...»

Кривляка леворукий исполнил почти что «Марсельезу», и Лекс глубоко и по-старчески УСТАЛ: среди бесформенной массы незнакомых человеческих тел он превращался в зомби как парень из кино «Тепло наших тел». Ничего не слышащий и абсолютно отключенный от монотонных звуков марионет-улитка, не ахатин ли стебельчатоглазый, имеющий на много больше глаз и щупалец, нежели у многих вокруг, и от того принимающий на себя подобно громоотводу плохие мысли радикально плохих людей?

«Миллиарды людей не смотрят Ти-Ви,

А я не дружил даже с братом,

Отключите Ти-Ви, на помойку –Ти-Ви.

Подружите меня с моим братом!»

Лекс заплакал, и Оля потащила его сквозь чащобы потных вонючих тел, к выходу, к спасению из этого ада.

«Есть проблема одна, и она – не вода:

Раз проблема одна, значит это – беда».

А дождливым утром они из Торонто улетели в похожий на белую морскую свинку Канзас-Сити, возлежавший на берегу реки Миссури. В городе накануне трое латиноамериканцев стреляли в горстку филиппинцев и заинтересованная в спокойствии накануне открытия "Месяца Гойи в Художественном музее Нельсона-Аткинса городской глава отдал приказ тщательно досматривать всякое прибывающее лицо, «дабы Джеймс Слай не был вынужден потом положить убеждённую славой седую голову вместо мяча на матч между «Канзас-Сити Чифс» и «Тироль Рейдерс». Излишняя щепетильность Лекса в примечании мелочей слегка добавила в нём апрельского хардкорного сплина, но диковинный дневной секс с возбуждённой от запаха грубой буйволовой кожи в дорожном такси в пахнущем свежескошенным клевером номере очень уютного отеля на Сомерсет-стрит.

Потом они ели яблочный пирог, слушая лучшие треки

Вилли Нельсона и Бака Оуэнса, смеясь как в последний раз.

“Where are the flowers for my baby?

You`d like to see her mean old mama

Why ain`t there a funeral

If you`re gonna act that way

Gonna be a funeral

It`s been a bad, bad day”

Лекс не мог не налюбоваться похорошевшей за эти три недели Олей: кожа на лице приобрела свежесть морского утреннего бриза, из глаз ушла усталость и отраженья верениц нотных знаков и стихотворных рефренов на пяти самых распространенных языках планеты, а память отправила на свалку Арслана Маратовича и когорту его наиболее одиозных персоналий.

Её прекрасное нагое тело, выглядывавшее из нараспашку открытого вафельного халата, было прекраснее всякой другой Афродиты. Когда-то малопривлекательные лично для

него синие ногти превратились в демонстрацию виртуозности женственности и изящества, используя нежно-розовый оттенок молочного коктейля с клубникой в магический образ натуральной женщины, принадлежащей только одному мужчине. И этим М был он, когда-то популярный, но растерявший славу рэпер из самого низа России. Говорили, что вместе с продюсером умер и певец Лекс. Умер не певец (голос души не имеет возраста и степени изношенности потерь и ошибок), умер узко профильный исполнитель-хулиган, но родился тот, кто стал лучше, потому что рядом с ним была ОНА.

Кусаю Твои губы

день сливается с ночью Твоего волшебства

а Любовь есть день, и есть ночь

но без дня,

сквозь года...

и мне мало Тебя, и мне много огня

и Тебя говоря

я вошёл в Твоё Я

и не стало ни дня

и не стало меня

Глава 7

Американская Оля и Оля русская – это как “Societies Jesus” и православный монастырь на Афоне. Нет, Лекс ни в коей мере не желал умалять этот росток видоизмененного солнца посреди пустыни, но это абсолютно разнополярные Женщины, если одна Женщина способна ТАК раздваиваться на разные характеры, словарные залежи и даже желания плотских потребностей современной дамы, полжизни занимавшейся организацией светских тусовок и приготовлением свежих хитов для девочек от 0 и до 16.

И Лекс, забросивший рэп на антресоли прошлого, погрузился в это «озеро» Женской Таинственности со всей присущей этому человеку глубиной конкретного погружения в исследуемую стихию. Оля где-то раскопала справочник для начинающего художника-инсталлятора, взяла бойфренда за слегка холодноватую от волнения руку и потащила в какую-то комнатёнку из жёлтого и красного цветов, усадила на синенький диванчик, вся такая сойка-пересмешница, девочка-пай, вдруг нашедшая парня своей мечты и решившая лепить из него своего «Давида».

Пусть Лекс даже отдалённо не напоминал Марсея Дюшана, и не знал о произошедшем 2 октября 1968, в Нейи-

сюр-Сен, но увидев очень сексуально-проникновенную Мадам в татуированной тени прошедших семейных радостей и невзгод (речь идёт об одной из близких по духу работ Мереты Оппенгейм), Лекс мгновенно впился в этот сюрреалистический улей, в этот союз, в этот архипелаг Гениев, из которого голыми и великими выходили по одному: Сальвадор Дали, Дитер Рот, Жан Тинжели, Дора Маар, Леонора Фини, Андре Бретон, Жан Арп, Альберто Джакометти, Ман Рэй, Даниэль Споерри, Макс Эрнст и другие тысячи и миллионы духов свободного полёта творческой мысли.

Потом Лекс и Хельга нашли какую-то девочку с ДЦП, которая искала учителей по музыке и изобразительному искусству за \$169/день, в свои 17 лет, так начитавшуюся о гендерных стереотипах и высотах и днах психоанализа, что Париж, со всеми его кабаре и художественных мастерских, католической невероятной мистерией переместился на место Канзас-Сити (Миссури), бросив свою мифологию и сны в вонючие воды Сены.

Девочку звали Маргарет, она имела пять пальцев на руках и пять пальцев на ногах, но считала себя пришелицей из тёмного Космоса, боялась расчёсывать слегка выющиеся волосы еврейской крови и смущалась, когда речь странным образом упиралась в её способностях к самообслуживанию телесных потребностях. Зная о глубине подростковых девствен-

ных переживаний, Оля увела разговор по тропинке юмора и скетча в летнюю беседку с душистым чаем цейлонского воздуха и земли с разговорами об авторе «Мадам Х».

– Это работа Джона Сингера Сарджента? – невинно, по-детски уточнила Маргарет, и тут же принялась с точностью до малейшего нюанса описывать историю возникновения, создания и дальнейшего местонахождения этого портретного полотна, написанного маслом, запах которого со всей всё с той же католической мистерией почти предметно ощутил Лекс. Он увидел викторианские сады, разноцветные яхты и однотонные церкви, вечернюю мглу и зажженные китайские фонарики, гвоздики, лилии, розы... Как много явилось Лексу в доме этой Маргарет, где «Оливковые деревья на Корфу», картину-пейзаж, поместили над бумагами самой девушки, передвигавшейся с 8 лет на инвалидной коляске, но прошедшей больше дорог и убравшей намного больше камней и падших веток, заграждавших её отважный путь.

"Одна Любовь невинна и прекрасна!

Одна Она достойна волшебства!

Её любая жертва не напрасна!

Её гармония прелестнее листа!

Ей детский смех – награда и спасенье!

Для старика – опора и весло!

Лишь для Любви доступны все прозренья!

Любой ей подвластно и число!"

Лекс полюбил Маргарет как сестру – нежно, без подводных камней и претензий к характеру или чего иного. Оля даже начинала ревновать, чувствую то, что Нас теперь ТРОЕ.

Родители Маргарет, владельцы небольшого магазинчика строительных материалов попросили нас свозить девочку на пикник, чтобы она могла почувствовать себя свободной от шума города и компьютерных переписок с многочисленными никнейками и аватарами со всего земного шара. Мы любезно приняли этот вызов и помчались на заказанном для путешествия загород микроавтобусе и громким лозунгом на правом боку «У нас лучше фонтаны, чем в Риме!» «А джаз лучше, чем в Джорджии», – добавила с грустью тёмненькая Маргарет, стеснявшаяся своих зубов и потёртых подлокотников своей коляски.

«Что ты видишь из окна своего бибизика?

Пропусти дорогу, посмотри в поля:

Видишь, рощи к тебе все пришли без клика

Твоей мыши, без чисел, лишь тебя лишь одну как дитя
веселя».

Озёро вокруг было окружено множеством пикапов и микроавтобусов. Детвора забавлялась мечами и хула-хупами, кое-где играли в волейбол и настольный теннис, парочка мексиканцев резалась в карты, визжа и юморничая как сборище дикарей.

Русская пара решила по-своему развлечь Маргарет: одели костюмы йети, купленные ими накануне в одном из ателье азиатов, и гудя, и хрипя, они уподобились семейной паре самого людного из кварталов, пародируя телефонный разговор простого, изрядно употребившего после работы на скотобойне Джека и хозяйственной, строгой, но уставшей от попок и хулиганств сожителя, краснощёкой и обладательницей 4 размера груди Кимберли. "Йети" танцевали, расска-

зывали стихи Стивена Крейна, пели “A Day in The Life”, “Across The Universe”, “All You Need Is Love”, жонглируя мобильниками с изяществом Гарри и Бесс Гудини.

Разоблачившись от «животных шкур», Лекс и Хельга бросились в прохладные воды того озера, где три года назад Маргарет написала свои первые стихи.

– Хельга, ты похожа как две капли воды на Адель Экзаркопулос, ну, та, что снималась в «Сорванцах из Тимпельбаха». Я этот фильм пересмотрела пять раз, а потом не спала всю ночь, говоря голосом Марианны и сжимаясь от страха при виде «Живодёров» в масках Кей-Кей-Кей. Мне до сих пор снятся зёрнышки апельсина. Помогите мне, мои русские друзья, мои дорогие Хельга и Алекс, вы ведь не оставите МЕНЯ БОЛЬШЕ ОДНУ?

Потом они ещё три раза приезжали на это место, кормили уток хлебными крошками, разыгрывали сценки из пьес Шекспира и Сервантеса, кормили друг друга крабовыми палочками. Маргарет пожелала побывать со своими новыми педагогами в гостях у бабушки в Каунсил Гров, живущей на Фокс-Стрит и занимавшейся разведением английских той-спаниелей. И Оля и Лекс с большой благодарностью приняли это приглашение.

Глава 8

Можно было бы произнести, что Каунсил Гров – типичный средний американский городок, со своими красавицами и со своими чудовищами, и всё развивается в духе второсортных фильмов-ляпов, что так любят выдавать за настоящее искусство жадные дельцы кинопроката. Как же не любил Лекс все эти усреднения, старание всё свести под единый знаменатель. Разве возможно познать другого человека или целую группу, народ, только по сообщениям криминальной хроники и одиозным высказываниям самых грязных политических провокаторов?

Та же земля, что и под твоим любимым клёном у бабушки в деревне, которых, обеих, уже нет давно, но люди продолжают дышать и говорить, и вроде бы ничего и не изменилось, а человека нет, деревни нет, и что-то ещё живёт, но как может что-то продолжать жить, теряя каждую секунду, каждый солнечный и лунный миг, сердца, души, воспоминания, объятия, пение птиц, мычание коров, шорохи, вздохи, крики, тишину?

Но вот она, снова, бабушка, и какая разница, что это американская бабушка, что эта бабушка и слухом не слыхивала о твоей Дуняше, в платье в горошек, с пушком под верхней

полнокровной губой, с ухудшившимся слухом, но с такой Добротой к тебе, Лексу, к кровинке своей! Вот она, живая, всё та же, тёплая, пахнущая парным молоком и только что созревшим козьим сыром, читающая по слогам, путая русские, белорусские и украинские слова, и переходящая УЖЕ ЗДЕСЬ на провинциальный американский английский, так отличающийся от телевизионных казённых репортажей на фоне Белого дома, Конгресса или гор Афганистана.

Мери. Маша. Мария. Богородица. Русская. Американская. Земная. Небесная.

Мери Грант встречала гостей с хлебом и солью, по-русски, и оттого и Оле, и Лексу не было нужды подстраиваться под незнакомые обычаи и особенности культурного генофонда, хотя они оба знали в совершенстве все тонкости английского языка, многое знали и слушали на лекциях о жизни и творчестве американского народа, который, как слоистый пирог, каждому вкушавшему его отзывается то с горечью, и то со сладостью в послевкусии, на разных вкусовых точках языка и ротовой полости.

Рассказывала Мери с прелестью зрелого возраста впере-мешку с неисчезнувшей детскостью в лучистых и ласковых голубых глазах.

«Айова, щедрая Айова,

Ты словно мать для Иллинойс,

Кентукки, Теннесси – молодые дети,

У Арканзаса, отчима слепого,

Убившего всю веру Оклахомы,

Небраске завещающая падший дух».

– Мери, вы поднимались на Таум-Саук? – спросил Лекс, поглядывая наполовину лица из-за изящной фарфоровой чашечки зелёного холодного чая, пахнущего оврагами и пещерами, и, конечно же, вкусными и исцеляющими водами реки Миссисипи. Но Оля чувствовала вкус небольших рек и ручьёв: Уайт-Ривер, Сент-Фрэнсис... Каждому своё, как гласит Библия.

– Да, Алекс, я не имела возможности не подняться на эти бесчисленные холмы, возросшие на плоти и крови моих предков. У вас в России даже более почитают кровные узы. О, да, великие сверкающие купола Нижнего Новгорода, Суздаля, я помню сотни названий городов и небольших месте-

чек, где очень часто я гуляю в своём восхищённом вдохновении! Расскажите, непременно расскажите о русском народе, о Достоевском и Пушкине, знаю, как же, есть ещё похожий на ветхозаветного Амоса Лев Толстой, граф ли, князь, да они, они все пророки, все достойные сыны Бога.

Лекс начал рассказывать о своей Родине, здесь, бабушке Маргарет, как если бы сидел у старого, крашенного белой краской, кухонного стола промеж двух узких окон, выходящих в палисадник, огород на 12 соток, церковь святых Бориса и Глеба, на тёмные, в тени низкой тучи малахитовые холмы, как лицо египетского бога царства мёртвых Осириса.

Рождались, как капли дождя на озере, поросшем кувшинками, ряской и тельцами упитанных лягушек-квакш, стихи.

«Крушина, ирисы, порей,

То Русь моя, где бог Борей,

Сын Утренней Зари,

Великий знаменосец,

Под ржанье диких кобылиц

Язычество венчал с пришедшим Богом,

Чтоб Русский дух Крестом Зари пылал».

– О, Алекс, вы настоящий Эрихтоний, вы потомок Пушкина, в вас столько торжества мужской природы! «Борей», «Русь», помогите мне, дорогой мой сын, произнести эти русские, сравнимые со стихией ветра и огня, слова, Ольга, и вы, и вы, о вы настоящая, подлинная аристократка, я видела ВАС в фильме про русских подданных, выгнанных коммунистами вон, вон из России, хоть куда, хоть в Париж, хоть в Берлин, но вон, вон из Крыма, Советский Союз наш, народ наш, так говорили коммунисты, я помню их имена, их клички, сколько они... Бог мой, как много зла в этом мире и между народами, как страдает моя Маргарет, как вы пострадали от своего продюсера, от власти денег...

«Сыны России уходили вдаль,

Мерцала боль и гнев под облаками,

И за спиной ты поднимала шаль,

Не забранное Крымскими ветрами.

Ельца платок, а проще – всей Руси,

Но новые сыны теперь достойны славы.

Да только глину, сколько не меси,

Не ляжет золото на храмовые главы».

Лекс читал и строки летали золотыми буквицами в этой обычной квартире американской интеллигентной пожилой американской женщины, и внучка её, Маргарет, гуляла в окружении леса и тихой реки, от которой веяло вечерней прохладой. Стоял жаркий июль, птицы путешествовали от ствола к стволу, маленький лисёнок копошился в можжевеловых кустах, видать, погнался за какой-нибудь козявкой, шустрый, голодный сорванец.

– Хельга! – позвала подругу слегка испугавшаяся Маргарет. Вверху деревьев принялся усиливаться порывистый ветер, издавая шум, сродни битве двух полчищ разъярённых армий.

– Алекс! – в другой раз позвала девушка, и прислонилась к

молодой, но широкой сосне, пахнувшая бочками с бурбоном и порохом Гражданской войны между Севером и Югом.

Лес стал заволакивать сюрреалистический туман, ноги Маргарет становились всё более и более ватными и бесчувственными, пока девушка совсем не упала в плодородный гумус. Страх пробрал слабое девичье тельце до потного озноба и мурашек на коже. Она потеряла энергетическую соединительную нить между телом и душой.

– О Боже, Хельга, Алекс, где выыыы?? Я не могу встать, как же вы бросили меня, я же так и останусь, здесь лежать, меня звери разорвут на части, как же так?! Возьмите меня к себе в Россию, умоляю вас Господом нашим Иисусом Христом! Мы все христиане, я люблю русских, очень люблю, и вас люблю, и бабушку Мери, и деда, и дядю Фреда, и тётю, двух теть, Кейт и Рэйчел, но вас больше всех люблю, вы настоящие, вы любить умеете, вы всегда поможете, если даже ноги мои безнадежны и словно две палки, но только помогите мне встать, усадите куда-нибудь, умоляю вас, ради всего святого!...

ОНИ вышли из мглы, подняли Маргарет на руки и понесли к равнине, где не было ветра и пахло дикими пионами, земляникой и васильками. На высоком рыжем холме видне-

лась зелёная церковка, но ближе был мост, большой и высокий, ещё ближе – дорога, без ухабов и ям, но глаза Маргарет буквально остановились на просторе луга из алтея и синего василька. Это было счастье.

«Люди должны быть братьями и сёстрами, иначе земля погибнет, колокольчики завянут, и стебли их высохнут и превратятся в прах. Цветы же дружат, деревья, птицы, все дружат, так почему бы НАМ не дружить, не оставлять друг друга в беде, не привести в свой дом, напоить, накормить, согреть теплом своего сердца, кем бы не был тот несчастный, попавший в беду. Американец ли, русский, француз...»

Глава 9

Маргарет была очень странной девушкой. Её слегка зеленовато-синие глаза, глаза влюблённой инопланетянки, всегда выражали какую-то неземную грусть по существованию среди непонятных событий, диалогов, совершенно противостественных для неё поступков среди окружающего её человеческого планктона. Можно было со всей греческой мудрой уверенностью сказать, что она была абсолютной эгоисткой, самовлюблённой в собственное отражение в зеркале своей внешности и своего ума.

Лексу Маргарет понравилась всем: в ней был отсутствующий в Оле шарм Победительницы, уверенность в своих словах, даже если их никто не слышит. Маргарет ЖИЛА ДЛЯ СЕБЯ, и была в мистическом поиске СВОЕГО ДВОЙНИКА, чтобы, а) было кому её слушать, и б) было кому записывать за ней всё то, что она хотела сказать, а затем дополнить, после положительных оваций её гениальному женскому хитрому уму, в котором древняя как страх природа гуляла как кошка – сама по себе.

Постепенно, как море или паводковый разлив рек завоевывает у застывшей в бездействии суши всё новые и новые пространства, Маргарет отдаляла от Лекса Олю. И это стано-

вилось тем стремительнее и с ещё большим ускорением, чем более РУССКИХ мест посещала эта странная троица молодых людей, больше хранивших молчание, чем произносивших обычные для туристов возгласы удивления и животного восторга.

За 8 дней руки Лекса почти слились как разномерные детали тела кентавра с коляской Маргарет. Одно тело, один дух, одни полёты несбывшихся желаний.

Именно тогда Оля записала в своём походном блокноте густые тревожные строки-мысли об иллюзорном понятии любви в этом мире одиночек и безумцев:

«Я тону в тихом море, и не надо луны,

И не надо ни ветра, ни бури, ни стога,

И не важно, какая зима до весны,

Всё равно я тону в море тихого Дона»

После паломничества в Троице-Сергиеву Лавру Оля занемогла как ребёнок, подхвативший нелепую скарлатину. Температура, мысли о смерти, бессонные ночи. Она погрузи-

лась в какой-то загадочный поглощающий её чёрный квадрат. Ей становилось страшно от любого шороха, любая предметная мелочь поднимала в ней суетную нервозность, чувство оставленности и потери себя в близком её сердцу человеке.

Она любила Лекса, принимала его таким, какой он был, хотя и всё её сильное женское естество не желало подчинению сильному плечу мужчины. Возможно, это и чувствовал Лекс, это и положило в нём начало внутреннего разрыва с девушкой, с которой когда-то было хорошо, а сейчас стало невозможно. Его мысли были полны Маргарет, то, что раньше казалось ему некрасивым в ней, в эти дни прогулок на колёсах по «Золотому кольцу» России завладело им красивой эротической страстью.

В больницу к Оле Лекс позвонил лишь пару раз, и то, как скорее одолжение прежней дружбе. Она смеялась с бульканьями в горле в трубку нагретого ладонью смартфона, старалась сказать больше нелепиц и несурзностей, Лекс от этого всё больше мрачнел, делал безумно продолжительные паузы в разговоре, жаловался на адски плохую связь, пытался перевести разговор на тему «какая всё же замечательная эта девушка Маргарет», но ни у него, ни у Оли не получилось, что либо сказать по адресу американки, её достоинств или критических недостатков. Оля молила возлюбленного: под-

держи меня, обними меня, верни себя мне, но всё подходило к своему концу, и птицы уже готовы были разлететься в разные части света, лишь бы забыть то небо на двоих, в котором они рисовали Любовь.

Когда произошёл первый интимный контакт с Маргарет, Лекс испытал раздвоенность своих чувств: новое казалось шагом вперёд, но подспудные камни воспоминания о прошлом тянули к тяжёлым раздумьям, к комплексу провинциального театрального актёра, выступающего на столичных подмостках театра с мировым уровнем.

– Маргарет, нам надо уехать в США.

– Милый, что с тобой? Вчера ты говорил, что не представляешь для себя нормальной жизни вне пределов Родины.

– Нам нужно сменить обстановку, иначе я сойду с ума.

– Что тебя так беспокоит?

– Как будто ты сама не понимаешь. Если бы я сказал об этом и по-русски, ты всё равно поняла бы то, о чём я хотел сказать тебе.

– Ты ещё любишь Хельгу?– Да.

– А как же я? Разве я чем-то хуже, чем она?

– Нет, конечно.

– Конечно, я инвалид, за мной нужен уход, я не смогу родить тебе ребёнка, я иностранка, мысли мои далеки от идеала, я...

– Перестань.

– Лекс, это потому что она русская?

– Нет.

– А в чём тогда причина, я не понимаю.

– Причина во мне.

– Я люблю тебя, мой мужчина! И ты любишь меня! Что ещё нужно, что, скажи?!

– С тобой не так как с ней.

Маргарет, что есть силы, рванула своё инвалидное кресло вглубь кухни, шумно открыла холодильник и пачку с молоком, налила и перелила даже поверх стакана, выпила, что-

то выплюнула на пол, выругалась и заплакала. Заплакала так шумно и страшно, как бывает только в сумасшедшем доме.

«Я птица раненная, я – Печаль.

Ты не смотри в мои глазницы.

Да, были птицы, были птицы,

Но то что «были» – очень жаль».

Лекс в эту ночь ночевал на скамейке в городском парке. В этом небольшом городке Подмосковья они хотели пробыть три дня. Маргарет захотела себе портрет на фоне старых советских бараков, потом – интервью, их совместное, в редакции местной газеты, чай с круассанами в вечернем кафе, покупка красивого нижнего белья в ночном бутике «для взрослых», а в завершение – умопомрачительные плотские утехы до утра.

Но утро каждый из них встретил в разных местах и совсем не во фривольных играх.

Лекс не смог разлюбить Олю, но Оля уже не желала про-

щать ему эту чудовищную измену.

Глава 10

Лекс много передумал в ту ночь одиночества и смятения чувств. Странные перепады его настроения многие списывали на расстройства психики. Может и так, только кому какое до этого дело, если всякий сторонний наблюдатель, знающий о тебе не более паспортного стола, не будет утруждать себя занятием понять тебя каков ты есть, человек.

Лекс готов был помочь Маргарет с адаптацией к жизни, но он невинно забыл, что сам нуждался в этом сам, быть может, в большей степени, чем несчастная американка. Окрылённая дружбой, Маргарет посчитала, что русский музыкант оказывает ей признаки даже более, чем просто внимания; что такое внимание, как ни обычная формальность человеческого общения, а Лекс пошёл дальше, и открыл часть своей души. И Маргарет возжелала быть ТАМ хозяйкой, правительницей, единственной силой, милующей и карающей, и совсем отошло в сторону, что Лекса любила и Оля, а любила ли Маргарет, или просто спасала судьбу от всего, что зовётся Одиночеством?

Убежав от Маргарет, от будущего с ней, Лекс, тем не менее, не бросил её одну, в малознакомой России. Вполне успокоившись, он позвонил Родиону, своему приятелю, своему

сослуживцу, он попросил помощи для девушки, чтобы чего не натворила сгоряча. Родион через полчаса отзвонился и рассказал, что и как сейчас с американкой. «Всё о`кей, дружище, американка твоя спокойна и игрива, смеётся над мультиками и хлюпает кока-колу из трубочки. Более непосредственных девчат я в своей жизни «вымпеловца» ещё не встречал».

Через четыре дня Лекса разыскал неведомо как генеральный продюсер «28 канала» Глеб Пшеничный, предложил поучаствовать в новом (!) реалити-шоу «Бывшие поющие», где Лекс как ветеран музыкальной индустрии «мог бы поднять бабла и подцепить себе тёлочку для поднятия жизненного тонуса». На удивление, Лекс не думая согласился, и через неделю оказался «под колпаком» софитов, камер, суфлёров, кучи других истеричных и нервных людей, общавшихся между собой на неуловимом для Лекса языке. Языке денег. «Лексушка, ты там реально набьёшь себе кучу наличными, ты давай не ломайся как первокурсница, что говорят то и делай, меньше гордости, больше равнодушия».

Сперва Лекс выглядел лишним и не с того берега, но, уйдя из мыслей об Оле и Маргарет, он возвратился в мир МУЗЫКИ, мозг его вновь начал думать не словами, а тонкими энергетическими импульсами звукомира, эмоции стали проецировать гармоничные и не совсем, ритмы, пошли поцелуи с подругами по цеху, ночи напролёт в студии звукозаписи,

а потом, под утро, под раскалывающие усталостью головные боли – записи для тинейжеров в прямой эфир (LIVE), где Лекс превращался в животное, лишённое естественного образа существования, вопреки своей воли.

После очередного такого «лайва», где его обозвали «чмо, ты замкадное, ты здесь кто такой, птенец кукушки?», когда Лекс изрядно приложился кулаков в это «элитное золотое рыло», его положили в «Склиф» под капельницы и успокаивающие средства медикаментозного вправления расстроенного «недосыпом» мозга.

Говорили, что ему звонила СЧАСТЛИВАЯ МАРГАРЕТ и приглашала его на свадьбу с Родионом. Медсестра Вероника так сказала, тихо, при многозначительном молчании Лекса. Мол, американка даже хвасталась, что Родион ради неё оставил службу в «Вымпеле» и занялся охранным бизнесом. «Вы знаете, дорогой Вы мой участник разных шоу, я НИКОГДА не смотрела телевизор, и сотового у меня тоже нет, – вещуньей вкрадчиво делилась подробностями своей личной жизни Вероника, – у меня было два мужа, оба сходи с ума от футбольных ночных бдений, палец об палец не ударив для того, чтобы у меня была ЖЕНСКАЯ ЖИЗНЬ, представляете?! Я пахала и пашу как лошадь, но я никогда не буду жить РАДИ МУЖЧИНЫ, это не в моих правилах. Я ИЛИ СЛАБАЯ, ИЛИ СИЛЬНАЯ».

Лекс так и не понял, причём тут уход своего друга из спецназа ради любимой женщины и бывшие трутни Вероники. Женская логика неподвластна даже ИИ.

«Смотри, сегодня нет твоих звёзд на небе,

Значит ли это, что нас тоже нет?»

В клинике он прибавил 12 кг. В стране ничего не изменилось, но ОН изменился внутри себя, незаметно даже, неожиданно, войдя в новый круг своего БЫТИЯ.

От «Бывших поющих» он получил 5 тысяч баксов. Что с ними делать, он и сам не знал. Отдать Маргарет и Родиону на свадебное путешествие? Записать пару композиций и отдать на ротацию в топ-радио? Вложить в начинающего артиста? Выкинуть их в метро, в урну с дымящимися окурками и плевками? Отослать в любой детский дом, на музыкальные инструменты, например, синтезатор или пару качественных гитар? Сотни вариантов, только что он получит взамен, если сам он на непонятном перекрёстке судьбы и уже ничто совершенно его не радует? Вопросы, и не одного уравновешенного ответа.

Он решил найти Ольгу.

Обзвонив двух-трёх её подруг, Лекс мало что узнал толкового: не замужем, но кого-то любит. Ясное дело, что не его. Но раз любить, почему бы ИМ ДВОИМ, не помочь деньгами. Пусть наслаждаются «медовым месяцем» где-нибудь в Португалии или Бразилии. И вспоминают его добрым честным словом. А он мирно-тихо исчезнет, раствориться среди названий городов, вокзалов, гостиниц, хосписов, сумасшедших домов. Чтобы уйти из жизни, не обязательно УМИРАТЬ, достаточно просто ни с кем не общаться и перестать следить за тем, как этот мир сходит с ума.

Он нашёл новый номер Оли и позвонил после того, как хорошо налакался крепким пивом.

– Узнала?

– Ещё бы. Где был?

– Всегда рядом.

– Я этого не замечала, извини. Наверное, у меня проблемы с распознаванием лиц.

– Я снимался на ТВ.

– Кого играл? Князя Мышкина? Донжуана?

– Самого себя.

– У тебя никогда не получалось быть самим собой.

– Извини.

– Поэтому и не получалось, потому что много и часто извиняешься не к месту.

– Извини ещё раз.

– За что, Лекс?

– За то, что не оправдал твоё доверие.

– Да ладно тебе.

– Кто он?

– Ты о ком?

– О НЁМ.

– Ты бы меньше заглядывал в стакан. Нельзя так, милый мой...

– «Милый мой»? Ты смеёшься надо мной?

– Совсем нет.

– Завтра на твоё имя поступит энная сумма денег. Это мой подарок ВАМ.

– Смешной ты, однако.

– Неважно. Теперь уже неважно.

– Ты где сейчас?

– В Москве, но неважно, не люблю подробностей.

– Ну да, я заметила. ТЫ ТАМ, НА НАШЕМ МЕСТЕ?

– Один магазин закрыт, иду в другой. А потом – как карта ляжет.

– Господи, когда ты бросишь юродствовать, Лекс?!

– Что ты под этим подразумеваешь? Ты о деньгах на ВА-

ШУ СВАДЬБУ?

– Да пошёл ты с «ВАШЕЙ СВАДЬБОЙ»! Жди меня, я сейчас приеду!

– Ты меня не найдёшь.

– Найду! Или ты сомневаешься, что на одного юродивого другого такового же не найдётся? Я уже завожу машину, жди и хватит уже всех этих... Лечу!